

Листопадов Дмитрий Юрьевич

ПИОНЕРСКАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1924 Г. - 1929 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Статья посвящена изучению пионерской работы в школе во второй половине 1924 г. - 1929 г. Рассматривается вопрос организации в школе пионерских форпостов, дается оценка их эффективности. На фоне общесоюзных тенденций раскрывается специфика ситуации в регионе Верхнего Поволжья (в границах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний). Особое внимание уделено отношению школьного учительства к распространению пионерского влияния в школе, а также отношениям пионеров с "неорганизованными" учениками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 129-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.5

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению пионерской работы в школе во второй половине 1924 г. – 1929 г. Рассматривается вопрос организации в школе пионерских форпостов, дается оценка их эффективности. На фоне общесоюзных тенденций раскрывается специфика ситуации в регионе Верхнего Поволжья (в границах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний). Особое внимание уделено отношению школьного учительства к распространению пионерского влияния в школе, а также отношениям пионеров с «неорганизованными» учениками.

Ключевые слова и фразы: пионеры; отряды; школа; форпосты; учительство; комсомол.

Листопадов Дмитрий Юрьевич*Ивановский государственный университет**dmitriy.listopadov@mail.ru***ПИОНЕРСКАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1924 Г. – 1929 Г.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)[©]**

В 1920-х гг. политика советского руководства заключалась в том, что школы, наряду с профсоюзами, издательствами, культурно-просветительными учреждениями, объявлялись «командными высотами», которые партия обязательно должна удержать или завоевать [16, с. 123]. Одним из инструментов «завоевания школ» должна была стать пионерская организация.

Количество пионеров в 1920-х гг. было еще невелико по сравнению со всей массой детей. Поэтому школьная работа пионерской организации во второй половине 1924 г. – 1929 г. должна была проходить через т.н. «форпосты», которые требовалось создавать в каждой городской школе, где училось не менее 3-х пионеров. Форпост не являлся пионерским отрядом, поэтому не имел права исключать из пионеров или принимать в организацию неорганизованных детей [8, д. 522, л. 15]. Задачей форпоста было распространение пионерского влияния на всю работу школы, а также пропаганда пионерской жизни среди не состоящих в организации детей. Центральное бюро пионеров рассматривало форпосты как центры самоуправления в школах [Там же, д. 352, л. 2].

Во второй половине 1924 – начале 1925 г. форпосты массово появились в губерниях Верхнего Поволжья. В Иваново-Вознесенской губернии в некоторых уездах количество пионеров в форпостах уже к концу 1924 г. было довольно значительным. Так, согласно отчету середской пионерской организации, на 1 декабря 1924 г. из 925 пионеров 370 действовали в форпостах [Там же, д. 251, л. 121]. Во Владимирской губернии форпосты в школах были организованы зимой 1925 г. [7, д. 197, л. 18]. В Костромской губернии, согласно отчету губернского комитета (далее – губком) комсомола, уже к 1 марта 1925 г. почти во всех школах существовали форпосты [17, д. 8, л. 49] (точное количество в источнике не указано). В Ярославской губернии на 1 ноября 1924 г. пионеров в школах 1-й ступени и детдомах насчитывалось 7700 человек, 8,1% от числа всех детей в этих учреждениях [19, д. 169, л. 138]. Такое число было признано недостаточным, и в начале 1925 г. Губернское бюро юных пионеров (далее – Губбюро) выдвинуло лозунг «Каждая городская школа должна иметь форпост» [11, д. 3189, л. 13]. 21 февраля им было принято решение усилить руководство форпостами путем созыва совещаний представителей форпостов, при этом не допуская организации отрядов школьными работниками без ведома Губбюро [19, д. 110, л. 5]. К 1 апреля в Ярославской губернии на 200 отрядов приходился 81 форпост [Там же, д. 116, л. 17]. К 1 июня 1925 г. количество пионеров в школах первой ступени и детдомах увеличилось до 9372 человек [Там же, д. 169, л. 191].

Однако вскоре стало ясно, что эффективность форпостов далека от желаемой. Прошедшее в 1925 г. II Всесоюзное совещание руководителей детского движения отметило рост влияния пионерской организации на широкие массы школьников. В то же время было указано на целый ряд недостатков в работе пионерских форпостов: слабая работа во многих случаях, чрезвычайная перегрузка активных пионеров из-за параллельных занятий в форпосте и отряде [11, д. 3189, л. 15]. Также замечались следующие отклонения от нормы: ведение работы сугубо внутри форпоста, фактическое превращение во второй отряд, стремление захватить всю работу в школе и заменить школьное самоуправление, излишнее увлечение политбеседами, в результате чего форпост превращался в политкружок [Там же, л. 16].

Подобные тенденции прослеживаются и в Верхнем Поволжье. Так, в мае 1925 г. на уездном совещании работников по детскому движению Вязниковского уезда Владимирской губернии сообщалось, что форпосты привлекают неорганизованных детей и пользуются авторитетом в школах [7, д. 197, л. 18]. В сентябре того же года совещание городских вожатых отрядов со школьными работниками г. Вязников уже отметило недостатки форпостов: бессистемность работы, перегрузку пионеров [Там же, л. 75]. Владимирское Губбюро в ноябре 1925 г. подвело годовые итоги работы форпостов. Школьная работа была признана «хромающей» из-за слабого руководства форпостами со стороны ячеек комсомола, неясности задач пионерами работы в школе, несогласованности планов работы отряда со школой, слабого подбора работников и их большой текучести [Там же, д. 195, л. 65]. О перегрузке пионеров из-за двойной работы в форпосте и в отряде, несогласованности работы говорили и в других губерниях Верхнего Поволжья [12, с. 26; 19, д. 116, л. 17].

Ярославское Губбюро в конце 1925 г. сообщило: «...проверяя работу пионеров в форпостах, у нас сейчас получается такая картина, что недостатков в работе больше, чем достижений» [19, д. 110, л. 60]. При этом пионеры из-за перегрузки в форпостах часто отлынивали от учебы, что, в свою очередь, влекло плохое отношение их родителей к пионерской организации [15]. В некоторых губерниях страны, например, Псковской, увеличение школьной нагрузки пионеров компенсировалось сокращением работы в отряде [1]. Однако в губерниях Верхнего Поволжья такая практика не применялась.

Малоэффективной была и пропаганда форпостов, призывающая неорганизованных детей вступать в пионерские ряды. Так, в одной из школ 1-го района Ярославля, как отмечало в ноябре 1925 г. заседание вожатых отрядов и вожатых форпостов, на 250 школьников было 37 пионеров и октябрят, но авторитета пионеры не имели, и даже совет пионерского форпоста выбран из неорганизованных детей, в нем был лишь 1 пионер [20, д. 114, л. 112]. По данным опроса, который проводили органы образования в Иваново-Вознесенске в 1925 году, выяснилось: из 1500 детей в возрасте от 11 до 15 лет о пионерах читали что-либо только 15 человек [4, с. 88].

Позиция учительства по отношению к пионерскому движению во второй половине 1924 г. – 1925 г. была неодинаковой в разных губерниях Верхнего Поволжья. ЦК комсомола в ноябре 1924 г. отмечал в информационном письме, что во Владимирской губернии учительство помогает пионерам в организации отрядов и их работе. Кроме того, владимирские школьные работники вели пропаганду среди крестьян, призывая тех отдавать детей в пионерские отряды. Отмечалась также активность ярославского учительства, которое, однако, вследствие плохого знакомства с пионерским движением зачастую просто разваливает отряды [14, д. 280, л. 24].

В Иваново-Вознесенской же губернии школьные работники в 1924-1925 гг. в массе своей относились скептически к пионерскому движению, о чем свидетельствуют материалы журнала «Вопросы просвещения» за эти годы: «на основе прошлогодних наблюдений у учительства создалось отрицательное мнение о работе пионеротрядов в наших условиях» [2, с. 13], «существующие организации изжили себя» [3, с. 44]. Протоколы педагогических совещаний и школьного Совета шуйской школы 2-й ступени за три года (с ноября 1922 по ноябрь 1925) ни разу не упоминают пионеров, хотя постоянно рассматривались вопросы внеклассной и общественно-полезной работы [21, д. 36, л. 1-39]. Ярославский губком комсомола также отмечал весной 1925 г.: «Сейчас разворачиваются форпосты, здесь имеется некоторая чрезмерная осторожность со стороны учительства. В одной школе 2 недели обсуждали, нужен или не нужен форпост, есть попытки захвата руководства со стороны учительства» [19, д. 116, л. 39]. По нашему мнению, такое отношение учительства к пионерам существовало оттого, что пионеры из-за загруженности в отрядах и форпостах мало уделяли внимания учебе в школе.

В целом, идея организации форпостов в школе из пионеров разных отрядов себя не оправдала [8, д. 527, л. 20], хотя попытки их создания имели место до 1929 г. В материалах уездного бюро мы постоянно наталкиваемся на противоречивые данные. Например, иваново-вознесенское у бюро в 1926 году докладывало, что форпостов в уезде не имеется [10, д. 15, л. 17], хотя в 1925 году сообщало о работе 18-ти. Проверки иваново-вознесенского Губбюро в уездах показывали, что «связь со школой в прошедший (1928 г.) учебный год совершенно отсутствовала, не было организовано ни одного форпоста, не собирались совещания вожатых совместно с учителями...» [9, д. 324, л. 93].

Помимо форпостов в школах создавались пионерские отряды, причем деревенские отряды почти все действовали при школах. В материалах к предстоящему иваново-вознесенскому губернскому совещанию пионерских работников деревни отмечалось, что «пионерский отряд был и есть, как придаток к школе...» [5, с. 30].

В изучаемый период партийная установка требовала, чтобы педагоги школ не могли руководить пионерами, эта функция возлагалась на вожатого из шефствующей комсомольской ячейки [8, д. 522, л. 18]. Это приводило к тому, что развернуть пионерскую работу в школе было очень трудно. Об этом говорят материалы выборочного обследования школ Иваново-Вознесенской губернии к партийному совещанию по народному образованию (1929 г.): «...в деревенских школах пионеров почти нет... в городских школах пионеротряды и форпосты численно сокращаются и распадаются... Общественно-полезная работа в школах 1-й ступени... почти отсутствует» [6, с. 3]. При этом в своих годовых отчетах школы должны были отчитываться о пионерской работе [21, д. 35, л. 3]. Отметим, что комсомол совместно с органами образования, с одной стороны, констатировал «слабое знакомство учительства с вопросами ДКД», а с другой, считал «совершенно недопустимым вмешательство части учительства в руководство ДКД и в реагировании роста пионеротрядов (Так в оригинале – Д. Л.)» (Костромская губерния, 1928 г.) [17, д. 10, л. 93].

Так как пионеры в школах были в меньшинстве, они не только не могли проводить свое влияние, но и зачастую «вели себя чрезвычайно плохо... они не заслуживают авторитета перед школьниками не пионерами» (Иваново-Вознесенская губерния, 1926 г.) [8, д. 525, л. 45]. В массовом порядке пионеры в школу не носили галстук, не отдавали салют [18, д. 3, л. 3; 21]. Учителя часто негативно относились к пионерской организации, поскольку считали, что она отвлекает от учебы, что в определенной мере соответствовало действительности. Так, Вязниковское у бюро (Владимирская губерния) отмечало на пленуме (1 января 1927 г.), что из-за загруженности пионерской работой у детей появляется неуспеваемость в школе [7, д. 271, л. 12]. Пионерские форпосты в школах, как правило, не могли влиять на жизнь школы и в массе своей фактически не действовали. На уровне губкомов ВЛКСМ официально констатировались «недостаточное влияние по школе, долгое ежегодное оформление форпостов, неинтересная, сухая работа (лекции, доклады)» [19, д. 174, л. 32]. Иваново-Вознесенские пионеры писали в губернскую партийную газету, что в форпостах только шагистика или доклады, а игры считаются пустым делом [13]. Согласно отчетам губкомов комсомолов, добиться удовлетворительной работы форпостов вплоть до 1929 г. так и не удалось [17, д. 8, л. 104; 19, д. 150, л. 28].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. система пионерской работы в школе через форпосты показала свою неэффективность. Причинами этого мы считаем перегрузку детей занятиями, отсутствие действенной

методики работы для форпостов. Не было налажено взаимодействие пионеров со школьными учителями; неорганизованные дети, составлявшие большинство учеников, плохо поддавались пионерскому влиянию.

Список литературы

1. Вишнева О. Г. Деятельность пионерской организации в Псковской губернии 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 2. С. 38-44.
2. Вопросы просвещения: орган Иваново-Вознесенского губоно. 1925. № 6.
3. Вопросы просвещения. 1926. № 1-2.
4. Вопросы просвещения. 1926. № 3.
5. Вопросы просвещения. 1929. № 1.
6. Вопросы просвещения. 1929. № 3.
7. Государственный архив Владимирской области. Ф. П-319. Оп. 1.
8. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-288. Оп. 1.
9. ГАИО. Ф. П-290. Оп. 1.
10. ГАИО. Ф. П-290. Оп. 2-а.
11. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-178. Оп. 1.
12. Итоги губернских конференций школ I и II ст. за I-й триместр 1925-1926 учебного года (28-31.12.1925 и 2-5.1.1926): сборник материалов. Иваново-Вознесенск, 1926. 54 с.
13. Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1926. 29 июня.
14. Росийский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1-м. Оп. 23.
15. Серп и молот. Шуя, 1925. 29 мая.
16. Слезин А. А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921-1929 гг. Тамбов: ТГТУ, 2002. 220 с.
17. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф. 3125. Оп. 2.
18. ЦДНИКО. Ф. 3125. Оп. 5.
19. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 496. Оп. 12.
20. ЦДНИЯО. Ф. 568. Оп. 1.
21. Шуйский государственный архив. Ф. 126. Оп. 1.
22. Юный Текстильщик. Иваново-Вознесенск, 1927. 15 апреля.

**PIONEER WORK AT SCHOOL IN THE SECOND HALF OF 1924 – 1929
(BY THE MATERIAL OF THE UPPER VOLGA PROVINCES)**

Listopadov Dmitrii Yur'evich
Ivanovo State University
dmitriy.listopadov@mail.ru

The article is devoted to the study of pioneer work at school during the second half of 1924 – 1929. The issue of school pioneer outposts organization is considered, and the estimation of their effectiveness is given. Against the background of all-union tendencies the specificity of the situation in the Upper Volga region (within the boundaries of Vladimir, Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Yaroslavl provinces) is revealed. Particular attention is paid to school teachers' attitude to the spread of pioneer influence at school, as well as the relation between pioneers and "unorganized" pupils.

Key words and phrases: pioneers; units; school; outposts; teachers; Komsomol.

УДК 781.43

Искусствоведение

Статья посвящена монотематизму как одному из ведущих принципов построения произведений С. И. Танеева. Предлагается рассмотрение танеевского монотематизма в контексте русского мелоса и европейской полифонической школы. Особое внимание автор уделяет типологической близости принципа монотематизма музыки Танеева попевочному принципу варьированного единоначатия знаменного распева. Подобный взгляд расширяет культурологический контекст изучения стиля музыки Танеева, способствует осмыслению его в диалектическом единстве западноевропейских и русских национальных многовековых форм художественной культуры.

Ключевые слова и фразы: теория музыки; музыка С. И. Танеева; русский стиль; монотематизм; русский мелос; знаменный распев.

Лукина Галима Ураловна, к. филос. н., доцент
Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского
galima96@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПА МОНОТЕМАТИЗМА В МУЗЫКЕ С. И. ТАНЕЕВА[©]

Принцип монотематизма в творчестве С. И. Танеева охватывает практически все крупные жанры. В музыковедении распространен взгляд, согласно которому Танеев опирается на листовскую технику тематических